

Глава 5

«НЕФОРМАЛЬНОСТЬ» В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

5.1. Теневая экономика - из тьмы времен

Едва возникло государство, налагающее на своих подданных определенные обязательства и ограничения, родилась и теневая экономика — внегосударственная деятельность лиц, игнорирующих «общественный договор». Теневая экономика существует в любых экономических системах с государственной организацией, однако в разных системах она имеет свою специфику.

Уже в самых ранних доиндустриальных обществах - обществах азиатского способа производства — мы встречаем все три разновидности теневой экономической деятельности. «Так же, как нельзя распознать, пьют ли воду плавающие в ней рыбы, нельзя определить, присваивают ли имущество чиновники, приставленные к делам»¹, - печально замечает автор древнеиндийской «Артхашастры» (начало н. э.), и это суждение могли бы повторить многие поколения государственных мужей от Египта до Китая. Восточные трактаты о науке государственного управления буквально переполнены жалобами на лихоимство чиновников, путающих государственный карман со своим. В XVII в китайский мыслитель Гу Янью пишет сочинение «Цянь лян лунь» («Рассуждения о налогах и сборах»), которое можно считать первым в мире специальным исследованием о «технике искусного обирания народа» — о «второй» экономике в государственно-натуральном хозяйстве². Другой великий памятник китайской обществоведческой мысли - «Янь те лунь» («Спор о соли и железе») - представляет собой «стенограмму» древнейшей дискуссии (81 г. до н. э.) о неформальном («сером») секторе хозяйства: государственная монополия на соль и железо привела к массовому «подполь-

ному» производству этих дефицитных продуктов³. Что касается «черной» теневой экономики, то древнейшей известной формой организованной преступности можно считать деятельность грабителей гробниц в Древнем Египте.

В античных и средневековых обществах Европы, где государство не стремилось к тотальному контролю над обществом, теневая экономическая деятельность развивалась в заметно меньшей степени. Любопытным примером «беловоротничковой» ТЭ стало ростовщичество в христианских странах: хотя согласно каноническому праву оно было запрещено, фактически им занимались, не афишируя этого, не только светские, но даже церковные феодалы⁴.

Трансформация доиндустриального общества в индустриальное вызвала в эпоху нового времени буквально взрыв теневой деловой активности во всех ее видах. Ранние формы капиталистического производства (например, рассеянная мануфактура) представляли «подпольную» оппозицию легальному цеховому ремеслу. Пиратство процветало в XVI — XVIII вв. в Средиземном и Карибском морях, в Индийском океане, нанося чувствительные удары по морским путям. Казнокрадство и коррупция поразили государственный аппарат всех абсолютистских держав. Эта теневая деловая активность была реакцией на наступление власти денежного богатства, которое, однако, еще не имело институционального фундамента. Капитализм в собственном смысле слова прочно стал на ноги лишь тогда, когда «протестантская этика» санкционировала погоню за богатством в форме «честного бизнеса», допускающего конкуренцию, но исключаяющего насилие. Эпоха нового времени завершается узакониванием одних форм теневого бизнеса (например, банковской деятельности) и ужесточением борьбы с наиболее криминальными его формами (пиратством, коррупцией).

Новый взлет теневой экономики наблюдается во 2-й половине XX века, что связано с глобальной трансформацией хозяйства. В развивающихся странах разрастание теневой экономической деятельности вызвано приобщением этих стран к современному индустриальному обществу. Усиливающаяся

с 1970-х годов криминализация экономики «социалистических» стран стала результатом поражения командной модели индустриального общества в соревновании с его рыночной моделью. Лаконичное объяснение основной причины тотальной криминализации «социалистического» хозяйства дал американский экономист М. Олсон: если отсутствует частная собственность, то все граждане материально заинтересованы в разворовывании государственного богатства, но никто не заинтересован лично в его сохранении⁵. Развитые страны переживают переход к постиндустриальному обществу, для которого характерен качественный рост свободы индивида. Увеличение неформальной занятости, стремление обходить сковывающие государственные ограничения, тяга потребителей к «запретным плодам» являются закономерным побочным следствием системной модернизации общества.

Таким образом, исторический подход к анализу эволюции теневых экономических отношений таит богатые возможности. Мы рассмотрим только два аспекта этой проблемы — историческую эволюцию серой (неформальной) экономики и экономическую историю преступных сообществ современного типа.

Хотя проблемы неформальной экономики оказались в центре внимания обществоведов только с 70-х гг. XX в., это явление возникло гораздо раньше. Если попытаться проанализировать его в контексте теории экономических систем, то становится очевидным, что неформальная экономика (НЭ) есть постоянный спутник цивилизованного человечества. Эта деятельность за рамками «общественного договора» возникает одновременно с возникновением первых, наиболее примитивных форм общественного контроля над индивидом. История обществ с государственной организацией уже неотделима от истории НЭ: формирование НЭ есть имманентная характеристика политогенеза - некоторое отклонение от нормы само становится нормой.

Комплексное исследование истории неформальной экономической деятельности пока еще практически не становилось объектом специальных научных исследований⁶. Конечно, разные конкретные виды теневой экономической деятельнос-

ти в различных странах и в различные исторические периоды уже не раз привлекали внимание историков, которые, однако, не рассматривали их как конкретно-историческое проявление более общих тенденций. Данный очерк можно рассматривать как первичный опыт обобщения подобной информации, рассеянной по многим источникам.

Под неформальной экономикой мы понимаем *производство нелегальными производителями обычных товаров и услуг*. Если рассматривать развитие НЭ как часть глобальной экономической истории доиндустриальных и индустриальных обществ, то в зависимости от того, кто является противником неформалов, от кого они скрывают свою деятельность, можно выделить как бы три «этажа» неформальных экономических отношений. Обычно неформалов рассматривают как лиц, противостоящих *государству*, укрывающихся от правительственного контроля. Однако неформальный сектор может развиваться в оппозиции как к более низким, так и к более высоким формам общественных объединений, призванным контролировать хозяйственную жизнь общества. В первом случае речь идет об антагонизме между неформалами и различными *муниципальными и профессиональными сообществами* (цехами, гильдиями), во втором - об их оппозиции *обществу* многих *государств*.

Проследим некоторые наиболее яркие эпизоды этой истории и попытаемся выделить общие закономерности эволюции НЭ с момента ее возникновения и до XX в. Рассмотрим исторические формы НЭ в последовательности от наиболее типичных к наименее характерным.

5.2. Неформальная экономика contra правительство

Правительство обладает монопольным правом собирать со своих подданных налоги — на доходы, на имущество, на личность самого подданного и т. д. Хотя жесткий учет всех доходов от экономической деятельности начинает складывать-

ся только в новое время, и в более ранние периоды у подданных возникало желание добывать средства к жизни, не делясь своими доходами с государственной казной. Современные формы неформальной экономической деятельности — производство и реализация практически всех обычных товаров и услуг мелкими самостоятельными «микрофирмами» (в основном самозанятыми), которые уклоняются от уплаты налогов на бизнес и иных форм государственной регламентации, — для доиндустриальных обществ, однако, не характерны. Трудно представить на улице, например, средневекового города типичного для нашего времени «самозанятого неформала», который бы торговал с лотка товарами потребительского назначения (пищей, одеждой, обувью и т. д.) либо занимался производством этих товаров в маленькой мастерской у себя на дому, уклоняясь от государственной регистрации и уплаты налогов. И это вполне объяснимо.

В доиндустриальных обществах индивид «растворен» в коллективе (крестьянин — в сельской общине, ремесленник - в цехе, купец - в гильдии), который целенаправленно «сглаживает» конкуренцию между членами этого сообщества. Поэтому единоличное «микропредпринимательство» встречается нечасто. Даже стоящие вне официальных сообществ неформалы действовали скорее сплоченными группами, чем поодиночке. Обычные для современного мира неформальные «микрофирмы», состоящие часто из одного-единственного предпринимателя-работника, возникают как массовое явление только в эпоху нового времени.

Далее, если современный неформальный бизнес есть продукт городской цивилизации, то вплоть до XIX в. экономика даже развитых стран остается преимущественно сельской. Городской рынок был слишком мал, чтобы обеспечить заказами многочисленных полулегальных производителей и торговцев. Поэтому неформалы первоначально обслуживали в большей степени сельского потребителя, а не городского.

Самое главное, контролирующие функции государств того времени были заметно более узкими, чем в наши дни. Объектом налогообложения выступал сам подданный, методы до-

бывания им средств к жизни правительство оставляло на усмотрение профессиональных сообществ, подавляющего большинства современных контролируемых государством стандартов экономической деятельности (социального страхования, обязательных мер безопасности, норматива минимальной заработной платы) еще не было и в помине. В силу этих обстоятельств антиправительственная НЭ доиндустриальных обществ предстает сегментом рыночных отношений, связанных только с теми видами деятельности, которые были объявлены монополиями.

Экономическая история знает два типа таких монополий: правительство либо закрепляет за собой монопольное право производить и/или продавать некоторые товары, либо (как это было в эпоху меркантилизма) передает эту исключительную привилегию ограниченному кругу привилегированных предпринимателей. Соответственно, можно выделить и два вида антигосударственной неформальной экономической деятельности: неформальность, противостоящая монополии самого государства, и неформальность, направленная против предпринимателей-монополистов, получивших от государства особые привилегии.

Неформалы против монополии государства. В фискальных целях правительства часто объявляли производство и/или реализацию некоторых видов предметов потребления (соль, железо, спиртные напитки и т. д.) своей исключительной монополией. Государство требовало, чтобы население покупало только казенный товар, однако нерадивые подданные упорно предпочитали приобретать контрабанду, которая отличалась меньшей ценой и лучшим качеством. Противостояние государства и неформалов-контрабандистов лучше всего прослеживается на примере истории соляной монополии.

Интересно отметить, что первая известная в истории дискуссия по экономическим проблемам касалась именно негативных последствий казенного монополизма. Это уже упоминавшийся «спор о соли и железе», который состоялся в 81 г. до н. э. при дворе китайского императора⁷. Именно в древнем Китае был впервые открыт этот легкий, казалось бы, источ-

ник доходов государственной казны — монополизация относительно редких, но пользующихся широким потребительским спросом продовольственных товаров: в 119 г. до н. э. учреждена государственная монополия на соль, и с тех пор на протяжении всей истории императорского Китая история монополии государства на соль идет рука об руку с историей контрабанды солью⁸.

«Казенная соль грязна, хотя и дорога, а продаваемая тайно — дешева и чиста. У селян и зажиточных горожан она в большом почете, и перекупщики лишь успевают поворачиваться, — с горечью констатировал известный китайский мыслитель XI в. Ли Гоу. — А раз так, то в народе большинство потребляет контрабандную соль и лишь некоторые едят соль с примесями. Доходы от этой [контрабанды] переходят к негодьям, казна же сама продает по нормированным ценам все меньше соли, и ее соль все больше залеживается»⁹. Точно такие же жалобы можно прочесть в анналах и более ранних, и более поздних эпох истории Китая: при династии Тан (VII — X вв.)¹⁰; при династии Сун (XI - XIII вв.)¹¹; при династии Мин (XIV - XVII вв.)¹².

До какой степени была распространена контрабанда солью, свидетельствует, например, такой курьезный факт: в 1560 г. доведенное до отчаяния неэффективностью борьбы с контрабандой китайское правительство ввело закон, согласно которому каждый солдат, несший патрульную службу, «еже-сезонно [должен был] схватить установленное число контрабандистов; не выполнивших норму лишали причитающегося жалования»¹³. Увы, многие «таможенники» предпочитали вместо выполнения квоты обязательного отлова контрабандистов либо сами заниматься контрабандной торговлей солью, либо ложно обвинять в контрабандной торговле невиновных купцов и грабить их. Неискоренимость неформального соляного «бизнеса» вполне понятна, если даже при легальной торговле солью прибыль купцов достигала в Китае XVI в. 50 %¹⁴: потребление соли в доиндустриальных обществах сильно превышало современные нормы, а добывать ее можно во многих местах и при невысоких затратах (например, выпариванием морской воды)

При огромных различиях между обществами Востока и Запада поразительно, насколько сходно иногда в них противостояние государства и неформалов-контрабандистов. Во Франции при «старом режиме» (XVII - XVIII вв.) одним из наиболее ненавистных для народа сборов стал габель — налог, включенный в цену соли, легальную торговлю которой с XIV в. монополизировала корона. Естественно, «народ защищался, прибегая к массовой контрабанде»¹⁵. «Война» между контрабандистами и жандармами стала постоянным лейтмотивом социально-экономической истории как своеобразная форма сопротивления «старому режиму». Иногда контрабандисты сочетали криминальную коммерцию со своего рода народным бунтом в стиле Робин Гуда: так, вошедший в легенду предводитель контрабандистов Луи Мандрена, действовавший со своим отрядом в середине XVIII в. в восточных провинциях Франции, не только под дулом оружия заставлял правительственных откупщиков налогов покупать у него контрабандный товар, но и взимал контрибуции с иных городов¹⁶. Впрочем, большинство контрабандистов не отличалось склонностью к театральным эффектам и ограничивалось простым сколачиванием капиталов. Конец массовой контрабанде пришел только вместе с концом казенных монополий (в частности, во Франции габель был отменен в 1790 г.).

Антигосударственная неформальная деятельность в России начинает приобретать широкие масштабы, видимо, после создания в 1652 г. казенной монополии на продажу вина потребителям. С тех пор и по сей день наша страна была наиболее «передовой» в области подпольного самогонварения. Периодические компании по изъятию у населения «винокурных сосудов» (первая такая компания прошла еще в начале XVIII в.) оказывались бессильны искоренить подпольное производство и торговлю спиртным. Известно, например, что в 20 - 30-е гг. XVIII в. заниматься прибыльным подпольным винокурением не гнушались даже монастыри¹⁷.

Неформалы против привилегированных предпринимателей-монополистов. Генезис капиталистической системы хозяйства первоначально привел не к затуханию НЭ, а скорее,

к ее разбуханию. Вопреки ходячему представлению, будто предпринимательство нового времени сразу и решительно рвет с феодальным консерватизмом, крупный бизнес эпохи меркантилизма развивался не в оппозиции абсолютистской монархии, а, напротив, под ее покровительством. Современные экономисты (в частности, знаменитый Э. де Сото) определяют меркантилизм как систему распределения монопольных прав (прежде всего, патентов и лицензий на производство и торговлю какими-либо товарами) через механизм государства¹⁸. Нарушители этих исключительных прав рисковали подвергнуться расправе со стороны либо государственных чиновников, либо самих владельцев монопольных привилегий.

В книге Э. де Сото приводится красочный пример: в конце XVII в. жители одного из городов Испании, чья ленточная фабрика обладала исключительной привилегией на производство своей продукции, с оружием в руках учинили набег на соседний город, жители которого попытались наладить аналогичное производство, захватили оборудование конкурентов, а работников силой угнали в свой город как военнопленных¹⁹. До подобных побищ, конечно, дело доходило редко, чаще владелец монопольных прав даже не знал тех неформалов, которые втихую подрывали его бизнес. Когда же неформалов обнаруживали, их преследованием занимались обычно не сами владельцы монопольных прав, а уполномоченные на то государственные чиновники.

Обширные материалы по этому вопросу дает история борьбы с «неуказным производством» в России послепетровских времен²⁰. Когда правительство Петра I начало раздавать крупным промышленникам монопольные права на производство различных промышленных товаров, оно и не подозревало, что очень быстро появится масса желающих производить те же товары, но без всякой официальной регистрации. Борьба с неформальными производителями, которые производили буквально все - от железа до различной мишуры, длилась более 30 лет — с 1737 по 1767 г. Например, в 1739 г. власти учинили настоящий погром крестьянской металлургии Тульского района, которая составляла конкуренцию казенному за-

воду²¹. В литературе можно найти десятки примеров, когда правительственные канцеляристы выявляли (часто по доносам легальных монополистов) мелких неформальных производителей сукна, карт, шляп, платков, пуговиц и прочих товаров, конфискуя их товары и орудия труда. Отчаявшись добиться успеха в этой борьбе, правительство в 1760-е гг. постепенно ликвидировало монополии, легализовав «неуказное производство». Аналогичным образом в эпоху буржуазных революций прекратили свое существование антимонопольные формы НЭ и в Западной Европе.

5.3. Неформальная экономика contra профессиональные сообщества

В современном мире правовое регулирование хозяйственной жизнедеятельности стало исключительной прерогативой государства; соответственно, именно оно становится главным оппонентом неформалов, уклоняющихся от исполнения правовых норм. В доиндустриальных обществах наряду с государством хозяйственным законодательством и правоохранительной деятельностью занимались также отстаивающие свои особые интересы различные местные и профессиональные сообщества, что порождало специфические разновидности НЭ.

Ярким примером неформальной экономической деятельности, противостоящей профессиональным сообществам, является внецеховое ремесло эпохи классического средневековья. Одной из важнейших задач цехового строя в городах Западной Европы всегда было закрепление и защита монополии ограниченного круга ремесленников на обслуживание местного рынка. С этой целью ремесленные корпорации стремились устранить конкуренцию всех производителей, не входящих в цех. «В некоторых случаях, - пишет Ф. Я. Полянский, один из советских исследователей цехового строя, - цехи вообще запрещали ввоз иногородних изделий или продукции сельских мастеров и таким образом добивались осуществления своей наиболее сокровенной цели»²². Следует отметить, что абсолют-

ная цеховая монополия, когда цех приобретал право юридически запрещать занятие данным ремеслом всем, кто не принадлежал к этой цеховой организации, выступала скорее как тенденция, чем как повсеместная реальность. Если в городах средневековой Германии свободное, внецеховое ремесло было исключением, то в некоторых городах Франции (например, в Париже) нецеховые ремесленники могли действовать вполне легально, не становясь «теневиками».

Противоборство между цеховыми и деревенскими ремесленниками, привозившими в города свой товар, доходило временами до вооруженных столкновений, но чаще протекало в обычной для НЭ форме полуборьбы-полууступок. Чтобы сохранять хоть какой-то реальный контроль над внецеховыми неформалами, городские власти допускали их торговать в город в определенные дни (например, во время ярмарок), в специально отведенных местах и на определенных условиях (например, при условии использования только городских весов).

Помимо сельских производителей непрошенными конкурентами цехов становились монастыри, а также городские производители, не входящие в цеховые организации. Это противоборство между «формальными» цехами и мелкими, но многочисленными неформальными внецеховыми производителями стало постоянным элементом хозяйственной жизни западноевропейского средневекового города вплоть до эпохи нового времени.

На противоположном краю Старого Света, в Китае, цеховые организации ремесленников-торговцев (ханы) приобрели зрелые формы только к XV — XVIII вв., когда в Западной Европе цеховые монополии уже отмирали. И здесь уставы цехохана охраняли торговые привилегии городских ремесленников от их сельских конкурентов, часто запрещая торговлю тем, кто не состоял его членом. Однако в Китае цеховая монополия оказалась более слабой - описания жизни крупных городов XVII - XVIII вв. полны упоминаниями о жителях окрестных сел, торгующих тканями, шелком-сырцом и другими изделиями²³.

5.4. Неформальная экономика contra сообщество государств

Противоборство НЭ с сообществом государств - явление весьма исключительное: неформальный бизнес по определению мелок, развивается в локальных масштабах, и потому борьба с ним, как правило, оказывается заботой властей местного, муниципального или регионального уровня. Однако в экономической истории XIX в. известен эпизод, когда в течение более полувека борьба против неформалов действительно велась (хотя и не слишком активно) объединенными силами нескольких стран — ведущих держав мира. Речь идет о финальной фазе трансатлантической работорговли²⁴.

С XVI в. и вплоть до начала XIX в. торговля неграми-рабами являлась для западноевропейских судовладельцев вполне обычной коммерцией, отличающейся от торговли, например, вином или текстилем лишь несколько более высоким риском и, соответственно, более высокой нормой прибыли. Перелом произошел после того, как в 1807 г. парламент Великобритании запретил работорговлю, а затем аналогичные запреты приняли и другие страны. Создалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, завозить новые партии рабов из Африки в Америку было запрещено, но с другой стороны, плантационное рабовладельческое хозяйство процветало еще несколько десятилетий (в южных штатах Североамериканских Соединенных Штатов - до 1865 г., на Кубе — до 1886 г., в Бразилии - до 1888 г.). Плантадоры могли неограниченно продавать и покупать принадлежащих им как вещи «рабыню Изауру», «дядю Тома» и их детей, но легальная покупка «свежих» рабов из Африки уже находилась под запретом. Естественно, появилось множество судовладельцев, готовых на свой страх и риск уменьшить разрыв между высоким спросом на рабов и низким легальным предложением.

Поскольку в странах Америки негры-рабы оставались обычным товаром, деятельность нелегальных судовладельцев-работорговцев 1807 — 1865 гг. можно рассматривать именно

как разновидность НЭ, принципиально не отличающуюся (с точки зрения самих нелегальных коммерсантов) от, например, контрабанды солью или любым иным товаром. Каждый судовладелец-работорговец действовал самостоятельно, но при негласной поддержке «формального» бизнеса: власти тех стран, где он сбывал свой товар, смотрели на его деятельность «сквозь пальцы»; судостроители строили по заказам работорговцев специальные малотонажные корабли, а производители текстиля и бижутерии открыто помещали в газетах объявления о распродаже товаров для торговцев рабами. Перед нами - несомненная разновидность НЭ, конкурентная и полуполюгальная, отличающаяся от современных ее видов достаточно большим числом работников «фирмы» (экипаж невольничьего корабля составлял не менее полусотни человек), крупным оборотом и очень высокими доходами.

По инициативе Англии, претендующей тогда на роль «международной полиции морей», после завершения наполеоновских войн было организовано международное патрулирование африканского побережья военными судами самой Англии, Франции и США. Поскольку американские корабли руководились обычно офицерами-южанами, возникали гротескные ситуации, когда «формальные» рабовладельцы задерживали и арестовывали неформальных работорговцев. Противоборство между международным патрулем и работорговцами-неформалами развивалось по универсальной схеме. Рост издержек риска привел к сильному росту цен на невольников и увеличению числа нелегальных работорговцев, готовых поставить на кон свою жизнь, чтобы заработать за удачный рейс целое состояние. Начался настоящий «бум» — ежегодный оборот работорговцев-контрабандистов, соблазненных нормой прибыли порядка 1000 - 2000 %²⁵, заметно превзошел легальный оборот предшествующего периода. По оценкам историков, в этот период состоялось более 3 тыс. (возможно, в несколько раз больше) нелегальных рейдов, т. е. в среднем примерно 50 рейдов ежегодно; патрули задерживали лишь примерно четверть невольничьих судов²⁶. Известны драматические случаи, когда застигнутые патрулем работорговцы всту-

пали в перестрелку с патрульными судами или выбрасывали за борт всех находящихся на борту негров-рабов, чтобы избавиться от улик; чаще быстроходные суда контрабандистов просто уходили от погони. Патрули, в свою очередь, не останавливались перед тем, чтобы, нарушая международное право, расстреливать и топить невольничьи корабли прямо в портах Бразилии.

Борьба с работорговлей в XIX в. сильно напоминает современную «войну с наркотиками» правительства США - как по своей популистской направленности, так и по крайне малоэффективным результатам. По некоторым оценкам, в последние десятилетия трансатлантической работорговли из Африки нелегально вывезено вдвое больше негров-рабов, чем за предшествующие три века легальной работорговли²⁷. Конец этому промыслу положили отнюдь не удачные действия международного патруля, а полная ликвидация рабства в Америке (особенно в южных штатах США, которые были основным рынком сбыта негров-рабов). Хотя работорговля сохраняется даже в современном мире, с 80-х гг. XIX в. торговля людьми как запрещенным товаром навсегда перешла из разряда «серого», неформального бизнеса в разряд откровенно «черной», криминальной теневой экономики.

5.5. Долгосрочные закономерности развития неформальной экономики

Подводя итоги беглого обзора истории неформальной экономической деятельности, можно сформулировать следующие выводы о долгосрочных закономерностях развития НЭ.

1. История неформальной экономической деятельности - это, прежде всего, элемент истории товарно-денежных отношений.

Натурально-хозяйственная жизнедеятельность практически не порождает неформальной экономики как специфического экономического института, поскольку натуральное производство, как правило, жестко локализовано, не мобиль-

но и потому не может быть укрыто от государственного или иного контроля. Домашнее производство, которое всегда натурально, казалось бы, не подтверждает этого вывода, однако государство практически никогда и не стремится контролировать этот сектор экономики, поэтому относить его к НЭ можно лишь со значительной долей условности. Можно привести и некоторые другие исключения - например, натуральные хозяйства крестьян Сибири XVII - XVIII вв., скрывавшихся от государственных податей. В целом, однако, НЭ есть феномен именно товарного, а не натурального хозяйства.

2. История неформальной экономической деятельности отражает общие закономерности исторической эволюции социально-экономических систем.

Отметим лишь две подобные универсальные закономерности. Во-первых, происходит постепенная «деколлективизация» субъектов - если на ранних этапах истории неформальная деятельность осуществляется, как правило, коллективно, то с течением времени она индивидуализируется. Во-вторых, наблюдается постепенная урбанизация НЭ — она смещается из сферы сельской в сферу городской экономики.

3. Степень развития НЭ, в общем, прямо пропорциональна силе регламентации хозяйственной жизнедеятельности.

Она достаточно велика в императорском Китае и меркантилистских государствах Западной Европы нового времени, которые представляют собой различные модели регулярного («тоталитарного») государственного строя; в античном же обществе, являвшимся ярким примером экономической демократии, НЭ вообще не фиксируется.

Американским экономистом Э. Файгом уже была принята попытка построить абстрактную модель, отражающую историческую динамику развития соотношения зарегистрированного (observed) и незарегистрированного (unobserved) секторов гипотетической экономики, развивающейся от натурального хозяйства до современного «государства всеобщего благоденствия»²⁸.

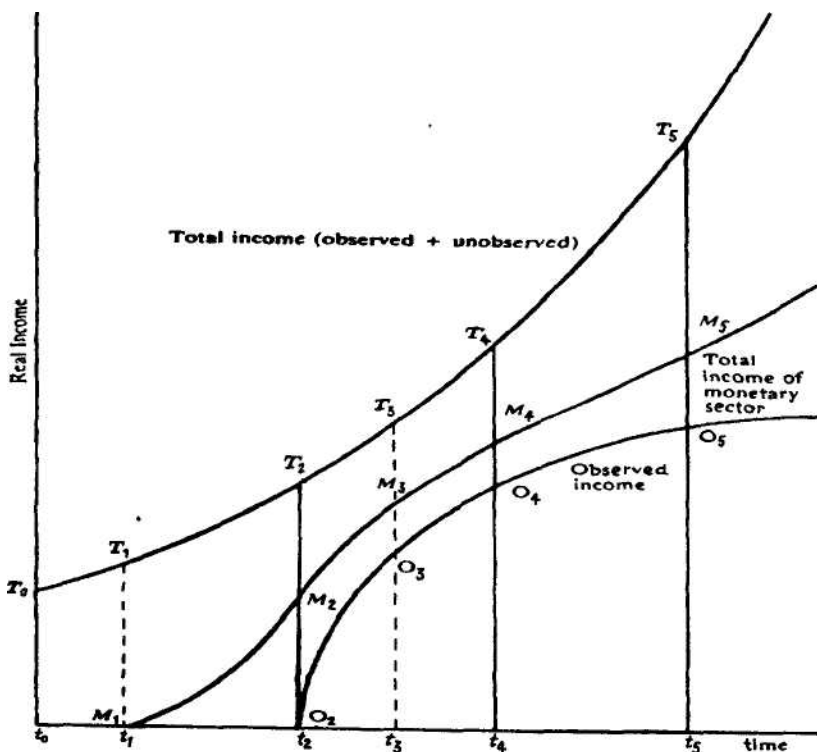

Рис. 5 — 1. Модель исторической динамики соотношения зарегистрированных и незарегистрированных доходов, по Э. Файгу

Источник: Feige E. L. Op. cit. P. 23.

Предположим (рис. 5-1), что совокупный частный реальный доход от экономической деятельности (зарегистрированной и незарегистрированной) растет с постоянной скоростью (его динамика показана кривой T_0 — T_5). На протяжении периода t_0 — t_1 экономика состоит только из незаконного нерыночного (неденежного) сектора. В момент t_1 одновременно возникают рынок и денежный обмен. Происходит отток ресурсов из неденежного сектора в денежный, в результате чего

денежный сектор (на отрезке $M_1 — M_2$) растет быстрее, чем экономика в целом. Далее, в момент t_2 появляются законодательные нормы, регулирующие экономическую деятельность. Зарегистрированная деятельность выступает при этом как легальный компонент денежного рыночного сектора M_2 . Рост частного денежного сектора замедляется. Этот сектор начинает порождать внешние эффекты (экстерналии), такие как загрязнение, информационная перегрузка и экономическое неравенство, которые обостряют социальную ситуацию. В этот период наблюдается ускоренное развитие правительственных институтов, организующих внешнюю оборону, систему образования и перераспределение доходов. Так как на улучшение и расширение социальной сферы будут направляться крупные ресурсы, следует ожидать ускоренного роста зарегистрированного сектора (на отрезке $O_2 — O_3$), который будет обгонять рост как частного денежного сектора, так и совокупного частного дохода. В течение этого периода незарегистрированный денежный сектор (интервал между линиями $O_2 — O_3$ и $M_2 — M_3$) сокращается относительно зарегистрированного сектора; аналогично, незарегистрированный неденежный сектор (интервал между $M_2 — M_3$ и $T_2 — T_3$) уменьшается относительно законного сектора. Зарегистрированный сектор станет сближаться с совокупным частным доходом. В литературе этот период ускоренного роста называют «взлетом» («take-off»). Однако экономисты, изучающие проблемы развития, стали указывать, что воспринимаемый рост есть, отчасти, статистическая иллюзия, отражающая в большей степени улучшение системы учета, нежели рост экономики как таковой.

«В нашей гипотетической истории, — пишет Э. Л. Файг, — период $t_3 — t_4$ особенно интересен, поскольку в течение этого периода зарегистрированный сектор экономики примерно пропорционален и совокупному частному денежному сектору, и совокупному доходу общества»²⁹. Полного совпадения зарегистрированного сектора с совокупным частным денежным сектором никогда не происходит. Поскольку особенностью этого периода является точное совпадение характеристик совокупной экономической деятельности и зарегистрирован-

ного сектора, постольку этот период идеален для научного наблюдения. На протяжении этого периода экономическая теория и модели, основанные на эмпирическом наблюдении, наилучшим образом объясняют и предсказывают экономическое поведение. В иных условиях макроэкономические прогнозы, по существу, не подтверждаются из-за заметного разрыва между зарегистрированной и незарегистрированной экономической активностью.

Во время последнего периода t_4 — t_5 незарегистрированная деятельность создает расхождение между темпами роста зарегистрированного и незарегистрированного секторов. В течение этого периода наблюдается ситуация, зеркально отражающая процесс зарождения зарегистрированного сектора в развивающейся экономике — проще говоря, незарегистрированный сектор будет расти быстрее зарегистрированного.

Хронологические этапы этой модели можно интерпретировать так: t_0 — t_1 — догосударственная натуральная система хозяйства; t_1 — t_2 — генезис товарного хозяйства в догосударственный период; t_2 — t_3 — становление государственного контроля доходов в товарном хозяйстве; t_3 — t_4 — классическое рыночное хозяйство; t_4 — t_5 — современный период усиления нелегальной экономической деятельности в «государстве всеобщего благосостояния». У этой модели, однако, есть очевидные недостатки. В частности, здесь смешаны разные виды незарегистрированности: в одних случаях деятельность не регистрируется, поскольку к этому никто и не стремится (период t_0 — t_2), в других она не регистрируется, поскольку от этого сознательно уклоняются (с момента t_2).

Если попытаться устранить эти недочеты и конкретизировать модель Э. Файга для развития только неформальной экономической деятельности, то график приобретет несколько иную форму (рис. 5 - 2). В основе этой модели, как и в модели Э. Файга, лежит предположение, что историческое развитие общества связано с постепенным усилением государственного регулирования хозяйственной жизни и, соответственно, с расширением НЭ как «ответа» на «вызов» этатизма.

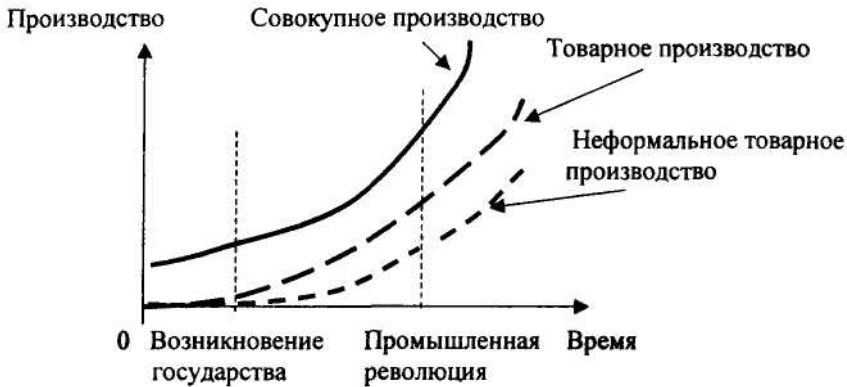

Рис. 5 — 2. Модель исторической динамики соотношения неформального производства и других секторов общественного производства

4. Всплески неформальной экономической деятельности приходится на переломные моменты экономической истории.

Перечислим лишь некоторые примеры подобных всплесков: антимонопольное неформальное производство эпохи меркантилизма как начальной стадии развития буржуазной экономики, контрабандная работорговля перед полным исчезновением рабовладельческого хозяйства, массовое мешочничество в период генезиса советской модели командной экономики, современная неформальная экономика в России переходного периода и т. д. Вероятно, эта тенденция универсальна для всех видов теневой экономики.

5. Структура НЭ зеркально отражает структуру институтов общественной регламентации.

Эта закономерность четко прослеживается, в частности, на материалах истории противостояния НЭ местным сообществам. Сила ремесленно-цеховых монополий была обратна силе государства — они сильны в децентрализованных государствах (типа средневековой Германии) и слабы в более централизованных (типа средневековой Франции или, тем более, Китая нового времени). Той же закономерности подчиняется и развитие неформального производства, оппозиционного местным

сообществам: внецеховое ремесло как особый экономический феномен хорошо прослеживается в западноевропейских городах эпохи средневековья, но слабо фиксируется в городах Китая. Зато антигосударственная НЭ нашла сильное отражение в материалах по истории средневекового Китая, но мало заметна в истории средневековой Западной Европы.

В современном мире право регламентировать хозяйственную жизнь полностью перешло в руки государственных структур. Соответственно, неформальная экономическая деятельность, направленная против муниципальных и профессиональных сообществ, как особая разновидность НЭ практически исчезает.

6. Набор объектов неформальной экономической деятельности варьируется в очень широких пределах.

Спектр разрешенных («обычных») товаров и услуг, которые попадали в НЭ, сильно различался в разных странах и в разные эпохи. Можно вспомнить, например, что в Китае в период 175 г. до н. э. — 10 г. н. э. была разрешена свободная отливка стандартной медной монеты частными лицами³⁰. Если деятельность фальшивомонетчиков, как общее правило, относится к откровенно криминальной («черной») теневой экономике, то в данном случае она оказывалась неформальной («серой»). Во многом аналогична ситуация с проституцией. В современных обществах торговля телом, как правило, находится вне закона и потому уходит в криминальную теневую экономику (контролируется мафией), но в городах средневековой Европы бордели имели вполне легальный статус, являясь объектом налогообложения, а «неформальные» проститутки подвергались преследованию муниципальных властей, поскольку уклонялись от уплаты положенных налогов³¹.

7. В экономической истории нет примеров, когда бы с НЭ удалось покончить применением чисто силовых мер.

Каждая из упомянутых форм неформальной экономической деятельности исчезала либо после ее легализации (как с «неуказным производством» или мешочничеством), либо после ликвидации самого спроса на определенный дефицитный товар (как с контрабандной работоторговлей).

Таким образом, неформальная экономика предстает как стабильный неформальный институт, в рамках которого происходит выживание новых и угасание отмирающих формальных институтов.

Примечания:

¹ Цит. по: Всемирная история экономической мысли. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 89.

² См.: *Власов В.С.* К характеристике «хо хао» — термина экономической мысли Китая (по материалам «Цянь лян лунь» Гу Яньу, XVII в.) // Вопросы истории Китая. М.: Издательство Московского университета, 1981. С. 91-99.

³ См.: *Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. М.: Наука, 1990. С. 124-128.

⁴ См., например: *Лозинский С.Г.* Средневековые ростовщики. Страницы из экономической истории церкви в средние века. Петроград, 1923; Экономическая школа. Вып. 2. СПб.: Экономическая школа, 1992. С. 170-172.

⁵ *Олсон М.* Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарство от коррупции, распада и замедления темпов роста // Экономика и математические методы. 1995. № 4. С. 62-63.

⁶ Одним из редких примеров исторического подхода к НЭ является статья немецких исследователей К. Гретчманна и В. Меттельсифена (*Gretschmann K., Mettelsiefen B.* Die Schattenwirtschaftsdebatte — eine Retrospective // Schattenwirtschaft. Göttingen, 1984. S. 17 — 19). Впрочем, и в этом случае история теневой экономики прослежена только по Западной Европе и только с XVIII в.

⁷ *Хуань Куань.* Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. 1. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997.

⁸ Параллельно с монополией на соль уже в древнем Китае возникли казенные монополии на изделия из железа и на спирт, в средневековом Китае государство в различные периоды монополизировало торговлю чаем, купоросом, уксусом, оружием, некоторыми видами шелка и т. д. Естественно, что теневое производство и сбыт этих товаров были в принципе сходными с лучше отраженной в источниках контрабандой солью.

⁹ Цит. по: *Латина З. Г.* Учение об управлении государством в средневековом Китае. М.: Наука, 1985. С. 274.

¹⁰ Хрестоматия по истории средних веков. В 3-х т. Под ред. С. Д. Сказкина. Т. 1. Раннее средневековье. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. С. 59 — 60.

¹¹ *Стужина Э. П.* Китайский город XI — XIII вв. М.: Наука, 1979. С. 59 - 60.

- ¹² *Свистунова Н. П.* Установления о соли и чае. М.: Наука, 1975.
- ¹³ *Свистунова Н. П.* Ук. соч. С. 55.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Все началось с десятины: этот многоликий налоговый мир. М.: Прогресс, 1992. С. 280.
- ¹⁶ *Кожокин Е. М.* Государство и народ. От Фронды до Великой французской революции. М.: Наука, 1989. С. 91 — 92.
- ¹⁷ *Волков М. Я.* Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII - первая половина XVIII века. Винокурное производство. М.: Наука, 1979. С. 32 - 34.
- ¹⁸ *Сото Э. де.* Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxu, 1995. С. 249.
- ¹⁹ *Сото Э. де.* Ук. соч. С. 253.
- ²⁰ *Полянский Ф. Я.* Цена и стоимость в условиях феодализма. М.: Издательство Московского университета, 1983. С. 167 — 220.
- ²¹ *Полянский Ф. Я.* Ук. соч. С. 196 - 197.
- ²² *Полянский Ф. Я.* Ук. соч. С. 61.
- ²³ *Стужина Э. П.* Китайское ремесло в XVI - XVIII веках. М.: Наука, 1970. С. 132.
- ²⁴ См., например: *Абрамова С. Ю.* Африка: четыре столетия работорговли. 2-е изд. М.: Наука, 1992. С. 143 - 220; *Рено Ф., Даже С.* Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом. М.: Наука, 1991. С. 99 - 123.
- ²⁵ *Абрамова С. Ю.* Африка: четыре столетия работорговли. 2-е изд. М.: Наука, 1992. С. 217, 224.
- ²⁶ *Рено Ф., Даже С.* Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом. М.: Наука, 1991. С. 118.
- ²⁷ *Абрамова С. Ю.* История работорговли на Верхне-Гвинейском побережье (вторая половина XV — начало XIX века. М.: Наука, 1966. С. 166.
- ²⁸ *Feige E. L.* The meaning and measurement of the underground economy // The underground economies. Tax evasion and information distortion. Ed. by E. L. Feige. Cambridge, N. Y. etc., Cambridge univ. press, 1989. P. 22 - 24.
- ²⁹ *Feige E. L.* Op. cit. P. 24.
- ³⁰ *Синицын Е. П.* Бань Гу — историк древнего Китая. М.: Наука, 1975. С. 50 - 53.
- ³¹ *Блох И.* История проституции. СПб.: Фирма «РИД», Издательство «АСТ - ПРЕСС», 1994. С. 501 - 502.